

ПРОЛОГ

Иоанн утверждал, что сначала было слово. Чепуха! Сначала была тишина. Остальное возникло позже, как раз из этой космической тишины, где еще ничего масштабно не вертелось, не гудело и не просвистывало в виде убийственного роя камней с огненными хвостами позади. Если бы евангелист оказался посреди океана на парусной доске, он бы согласился, что сначала была тишина, причем такая пронзительная, что ее даже не подавлял нескончаемый шелест волн. Наоборот, своим сонным равномерным бормотанием буруны подчеркивали величие этой бескрайней вселенской тишины.

А может, сначала были волны – невидимые, извечные, убаюкивающие? Именно они провоцировали Творца на долгий и здоровый сон, во время которого все сотворенные им миры превращалось в хаос. И они же, эти волны, способствовали его пробуждению после глухой космической ночи. Каждый раз, продирая глаза и крепко выругавшись (типа, прикорнуть нельзя – все рассыпается без моего всевидящего ока), он заново начинал отделять твердь от воды, зажигать звезды и лепить земли, заполняя их океанами. Вот это ругательство после пробуждения и являлось, вероятно, тем самым словом, которое было вначале. Но речь не об этом. Ведь что получается – если волнам подвластна цикличность, которой не может противостоять даже генеральный архитектор мироздания, то здесь сомнений быть не может – вначале были волны. И еще тишина.

Марк оторвал затылок от виндсерфинговой доски и огляделся по сторонам. Вокруг все та же бескрайняя гладь океана без какого-либо намека на землю – и никаких признаков спасительного судна на горизонте. В какую сторону ни греби – огребешь только мозоли. Впрочем, ладонями много не нагребешь, а парус унесло ветром. Мачта выскочила

вместе с шарниром, который, видимо, в суматохе был плохо прикреплен к борду. Зато теперь хитроумные причиндалы для водного экстрима не мешали развалиться всем телом на гладкой поверхности. Ничего не оставалось, как тяжело вздохнуть и, положив голову между мягких ножных петель, опять уткнуться макушкой в опостылевшую и скользкую доску. Впрочем, руки можно вытянуть вдоль тела или раскинуть в разные стороны, положив их на воду. Вот и весь маневр. Невелик выбор для движения. А ведь жизнь заканчивается там, где прекращается движение. Так, кажется, говорил кто-то из великих.

Храбрец подивился философской стройности своих мыслей при столь отчаянном положении. Подобного он не замечал за собой раньше. И это понятно: тогда было некогда. Каждую минуту он находился в движении. А сейчас вынужден прозябать и предаваться бессмысленным раздумьям о смысле бытия.

Говорят, думы о смысле жизни наплывают на человека незадолго до гибели. Возможно, поэтому для мудрости нет ничего ненавистнее мудрствования.

«Но неужели пришло время гибели? – ужаснулся Марк. – Вот уж, действительно, не знаешь, как повернет судьба. Бежать из Москвы в какую-то глухую дыру на берегу Индийского океана, чтобы бесславно сгинуть в кипящих водах – это просто насмешка судьбы».

Под ложечкой тоскливо засосало. А как же жена, сыновья, дочки? Как они без него? Анюта даже не сумеет собрать активы, разбросанные по всему миру, а собрав – ни за что в них не разберется. Да что активы! Она не сумеет толком вступить в права наследства, тем более что завещание оформлено на дочку бывшей жены. А бывшая жена – баба зубастая и своего без боя не отдаст. Здесь нужно очень круто бить копытами и долбить рогами, чтобы выиграть все эти тягомотные процессы в купленных-перекупленных судах. Но главное, в этом вопросе никому нельзя доверять – ни судьям, ни нотариусам, ни тем более друзьям, предлагающим свою помощь. Анюта такая наивная, такая честная, такая правильная. Она не знает

грязных и жестоких законов бизнеса. И слава богу, что не знает! Когда узнает – пошлет всю эту сферу деятельности куда подальше и будет жить на три копейки в месяц. И самое удивительное, что проживет!

«Нет! Сейчас погибнуть никак нельзя! – застонал Марк, зажмурив глаза. – Я просто не имею на это права, не завершив своих дел. Надо что-то придумать...»

Однако, как ни морщи лоб, как ни закусывай нижнюю губу, как ни скрипи мозгами на весь Индийский океан, надеяться можно только на случайное судно. Весь вопрос в том, проходят ли здесь морские пути. Насколько далеко его унесло от берега, он не знал, да и знать не мог.

«Но ведь мне всегда везло! – пришла спасительная мысль. – Хотя были времена, когда не очень...»

Даже когда везло не очень, Марк всегда ощущал теплую и великодушную любовь свыше. И даже видел Его всепрощающую улыбку. А когда Марк поступал, мягко говоря, не очень красиво, то чувствовал, что к нему оттуда относятся снисходительно, как к ребенку, который не ведает, что творит. В целом Марк с рождения знал, что он любимчик, и в глубине души верил, что в любой ситуации всегда выйдет сухим из воды. Но сейчас он мокрый с головы до пят и вокруг вода. Да не просто вода – а целый океан! И возможностей для действий практически нет.

Неожиданно в памяти возникло, что самым известным любимцем богов был древнегреческий герой Ахиллес, который разил мечом всех, кого ни попадя, не ведая, что убивать – это грех. Чужие жизни его не волновали. Его волновали медные трубы. В веках он, конечно, остался, увенчанный славой, но славой какой-то сомнительной, потому что закончил не очень геройски. Малодушно скончался от стрелы, вонзенной в пятку, в которой, собственно, нет жизненно важных органов. Ведь это еще нужно умудриться умереть от такой пустяковины. Вот тебе и любимец богов.

Диктатор Сулла! Вот кто истинный любимец богов, который даже кличку носил Счастливчик. Кровопийца был редкостный. По сравнению с ним Калигула с Нероном – про-

сто шалуны. И за что его возлюбили боги? Кстати, закончил тоже бесславно – то ли умер от рака, то ли сгнил заживо. Плутархом его кончина описана как-то не очень внятно. Хотя откуда о ней мог знать Плутарх, который жил столетием позже? Нет! С Суллой тоже неудачный пример.

«Но ведь я не кровопийца! И я не убивал людей ради жалкого тщеславия! – воскликнул про себя Марк. – А значит, Господь не допустит, чтобы я закончил так глупо. Это теоретически. А на практике – пути Господни неисповедимы».

Наш философ снова открыл глаза и увидел, что на небе откуда-то взялись облака, хотя минуту назад океанская высь была абсолютно ясной. Одно облако было похоже на голову лошади. Даже в районе глаза имелся небольшой просвет. Хотя нет! Для лошади голова маловата. Скорее, это осел. Было бы неплохо подтянуть к ослу туловище из соседнего облака, а из перистого отростка, напоминающего перевернутую латинскую букву «V», сделать ноги. Хотя кому это надо, делать ослу ноги? Вот если бы взять и перенестись на парусной доске на облако и с него увидеть берег или корабль, чтобы знать, в какую сторону грести...

«Стоп! – поморщился Марк. – Опять меня тянет на небеса. Это очень плохой признак. Тем более на доске на облако не перенесешься. Проще научиться ходить по воде...»

Марк вторично удивился наивной несерьезности своих мыслей. Что это? Впал в детство? Говорят, перед смертью тоже подобное наблюдается. «Я еще поживу! – воскликнул про себя Марк. – Мне повезет, как всегда! Ведь выжил же я во время налета цунами!»

После этого почему-то стало спокойно. Снова зароились мысли о жутких тайнах и прочей космической дребедени. Такие мысли никогда не появлялись раньше. Хотя нет! Появлялись в израильской тюрьме Рамон, когда он сидел в камере-одиночке и практически умирал. Но ведь не умер же!

Наблюдая за облаками, серфингист не заметил, как задремал. Его усыпили волны, равномерно накатывающие на доску. И еще великая тишина океана. И вдруг среди этой

тишины Марк совершенно отчетливо услышал сильный голос учителя:

– Ты все-таки поймал большую волну!

– Что? – дернулся Марк и стал недоуменно крутить головой по сторонам, уверенный, что сейчас увидит старика, стоящего на волнах. Но вокруг по-прежнему были бескрайние просторы соленой воды и ничего похожего на человеческий силуэт. Кто это произнес? Неужели начались слуховые галлюцинации?

«Выходит, это цунами и было моей большой волной? – удивился Марк, поднявшись на локте. – И ради этого люди жертвуют жизнями и отправляются на эшафоты? Нет-нет, не может быть! Это какая-то насмешка судьбы...»

Часть первая

УЧИТЕЛЬ СЕРФИНГА

1

Когда Марк Крамер услышал в новостях, что отца русской мафии Станислава Разина по кличке Стенька завалили на выходе из ресторана, то едва устоял на ногах. В лицо будто ударила налетевшая рдяная струя, а затем рассыпалась на тысячи колючих капель. «Похоже, грядет новый передел», – тревожно пронеслось в голове.

Новость ничего хорошего не сулила. Криминальный передел – это новая нестабильность в бизнесе, причем не только в подпольном, но и легальном. Хотя полноценного легального бизнеса в России как не было, так и нет. Такой роскоши по причине особенности национального налогообложения не может себе позволить ни одно предприятие даже с самой прозрачной бухгалтерией. Впрочем, прозрачная бухгалтерия – для налоговиков такой же миф, как царство справедливости для воров в законе. В России у бухгалтерии такие же двойные стандарты, как у демократии на Западе. Поэтому хочешь не хочешь, а бизнес в стране выстроен исключительно по двойным стандартам, даже государственный. Иными словами, он наполовину криминальный. И это, кстати, ни для кого не является секретом, даже для налоговиков. А где криминал, там и криминальные структуры, с которыми не справляются правоохранительные органы. Поэтому властям приходится пользоваться услугами смотрителей из воровской среды. Выписанный из Америки советский эмигрант Станислав Разин, обложивший данью своих соотечественников на той стороне океана, был идеальным смотрителем в России.

Марк набрал номер нужного человека из столичной администрации и поинтересовался, не собирается ли правительство Москвы выставить на продажу свою долю активов Дорогомиловского рынка.

– Вроде нет, – недоуменно ответили с другого конца. – А с какой целью интересуетесь, Марк Генрихович?

– Как совладелец хочу быть в курсе, – ответил бизнесмен и прервал связь.

Тревога возросла. Ведь буквально на днях у Марка была встреча со Стенькой в том самом ресторане «Старая мельница», на выходе из которого его и достал неведомый киллер. Глава мафии напрашивался в партнеры по строительству гигантского торгового центра в Санкт-Петербурге и интересовался личными активами инвестора. Так и спросил без всяких дежурных любезностей, не желает ли он взять его в соучредители будущего гипермаркета в городе на Неве?

– К сожалению, соучредителей утверждаю не я, а петербургское правительство, – ответил Марк.

Тогда Стенька спросил, не намерен ли он продать акции Дорогомиловского рынка в связи с тем, что берется за строительство торгового гиганта в Северной столице.

– Нет! – отрицательно затряс головой Марк. – У меня хватает средств. Так что в продаже Дорогомиловского рынка необходимости нет.

Стенька смерил Марка не очень дружелюбным взглядом. Собеседник почувствовал, что два отказа подряд ударили по самолюбию авторитета. Тот скривил рот и с нажимом произнес:

– А не жирно тебе в период кризиса иметь три рынка?

– Да где же три? – обаятельно рассмеялся Марк. – Свою долю в Щелково я сбавил, и Тишинского рынка давно у меня нет. Его я продал, чтобы собрать средства на реконструкцию Дорогомиловки. Так что рынок у меня один. А торгового центра в Питере я еще не имею.

Взгляд Стеньки стал еще более жестким.

– А когда заимеешь, продашь мне контрольный пакет Дорогомиловки?

– Да сдался тебе этот Дорогомиловский рынок? – нервно заерзал на стуле гость. – Думаешь, я гребу с него деньги лопатой? Ты обратись в московское правительство, если тебе так приспичило! Я слышал, они собираются продавать свою долю рынка.

Это было ложью. Ничего подобного Марк не слышал. Просто надо было отвести удар от своей кровной собственности. Стенька чутко уловил, что собеседник не вполне искренен. Словом, расстались с ним не очень дружелюбно. Что делать? Если занимаешься бизнесом, без криминальных авторитетов никак нельзя.

Напоследок вор бросил Крамеру в спину, чтобы тот оповестил, если на него наедет Мариот. Эти слова очень неприятно царапнули Марка. С чего на него должен наехать этот грузинский мафиози, чудом сбежавший от европейского правосудия и осевший в Москве, точнее, засевший здесь, как гвоздь в ботинке. Строительство не его сфера контроля. До недавнего времени архаровцы Мариота никого не беспокоили. Они тихо-мирно «крышевали» игорные заведения, но казино неожиданно начали закрывать по решению властей, и грузинские воры остались не у дел.

С тех пор Мариот оспаривает свое лидерство в воровской среде. В мае 2008 года два слона российской мафии, Стенька и дед Мазай, провели воровскую сходку, где обсудили вопросы по контролю денежных потоков, которые власти намерены выделить из федеральной казны на Олимпиаду-2014 в Сочи.

Два месяца спустя Мариот по тому же вопросу собрал воров в законе в закрытом охотхозяйстве в Завидово Тверской области. Стенька с дедом Мазаем сходку демонстративно проигнорировали. Зато в лесничие угодия нагрянули правоохранители и задержали пятьдесят криминальных авторитетов, среди которых оказалось тридцать девять грузинских воров.

Кто навел туда полицейских, так и не вычислили. Воры на Мариота разозлились: типа, плохо организовал сходку. И в ноябре того же года был застрелен московский ресторатор Гела Церцвадзе, отвечавший за бизнес главы грузин-

ской мафии. Через полгода был расстрелян деловой партнер деда Мазая Скиф и убит Корсак.

Вот теперь добрались и до Стеньки. «По всей видимости, грузинская мафия пошла ва-банк», – брезгливо поморщился Марк и сильно затряс головой, чтобы вытряхнуть из себя всю эту кровавую эпопею. Когда предприниматели в конце концов будут свободны от этих грязных криминальных разборок, которые теоретически не должны их касаться? Однако касаются. И еще как! Зачастую весь средний и даже крупный бизнес зависит от того, какой вор сидит смотрящим в регионе. Поэтому бизнесмены следят за бандитскими переделами так же внимательно, как мировые политики за перестановками во властных структурах.

Тягостная тревога Марка не оказалась пустой. Через пару недель позвонил информатор по кличке Слон и сообщил: на воровской сходке пришли к выводу, что убийство Стеньки заказал Марк Крамер.

– Они с ума посходили! – не поверил ушам Марк. – Зачем мне нужно его убивать?

– Из-за разногласий по Дорогомиловскому рынку, – пояснил по телефону Слон. – На сходке говорили, что у тебя из-за Дорогомиловки произошел со Стенькой конфликт.

– Никакого конфликта не произошло! – pokrылся холодным потом Марк. – Наш разговор проходил на глазах у его телохранителей.

– Вот они-то и утверждают, что ты мог заказать его из опасения, что он влезет в твой бизнес. А ведь он собирался влезть?

– Бред! Я докажу, что у меня не было никаких причин устранять Стеньку! И потом, охранники не могут быть свидетелями. Они не слышали наш разговор. Они стояли у дверей.

– Но есть еще один человек, который подтверждает, что ты точил зуб на Стеньку. И это очень серьезный свидетель.

– Неужели Давид? – опешил Крамер. – Столько лет прошло, а он все никак не может забыть обиду... Что воры решились?

– Взять с тебя откупную за смерть Стеньки. Тридцать миллионов долларов.

– Черт! – хлопнул себя по лбу Марк. – Почему с меня? Почему никто не видит очевидного? Брать нужно с Мариота... Хотя с него взять нечего... Вот почему решили взять с меня. В общем так, Слон! Я ничего не слышал, и ты со мной не разговаривал. Спасибо за информацию!

Марк поспешно прервал связь и ринулся к сейфу. Нужно срочно исчезнуть. Исчезнуть, пока воры не появились с «предьявой». Когда они появятся, исчезать будет поздно. Самое неприятное, что откупные не гарантируют никакой безопасности.

«Но куда слиться сейчас? – задумался Марк, механически укладывая в портфель пачки с деньгами. – Во Франции достанут, в Израиле тоже. До Лондона им дотянуться сложнее, но там газеты напишут, что в Британию прибыл известный банковский аферист, отсидевший в Израиле пять лет за шпионаж в пользу России...»

Тогда-то и пришла идея улететь в Индию и схорониться в маленькой деревушке на берегу Индийского океана, затесавшись в компанию каких-нибудь серфингистов. Кажется, про такой поселок на берегу восточного побережья взалхлеб рассказывала баскетболистка Ника. «Как же он называется? – поморщился Марк, захлопнув портфель. – Забыл! Ничего, по пути вспомню. Где-где, а среди сумасшедших, снующих на волнах, искать меня точно никому не взбредет в голову. С месяц придется поскучать. Но за это время следствие выйдет на настоящего убийцу Стеньки».

2

Марк Крамер не очень любил Индию. Культура там, конечно, великая – с этим не поспоришь, и храмы чрезвычайно грандиозные, каких больше не отыщешь в мире. Еще там очень яркие краски, экзотические пейзажи, запах благовоний. По пальмам мечутся очень наглые обезьяны, которые только и ждут момента, чтобы вырвать что-то из рук. По улицам бродят коровы в сопровождении роя чудовищных мух, кусающих до крови. Но также там много улыб-

чивых красивых девушек в цветных сари, чьи фигуры не могут не волновать европейских мужчин. Вообще, люди в Индии чрезвычайно доброжелательные и как-то не по-западному сердечные. Каждый второй протягивает не очень чистую руку и что-то просит на своем языке. Упаси боже дать монету – тут же окружают босоногие мальчишки и начнут грязными пальцами дергать за полы рубашки.

Но если на это не обращать внимания, то можно ощутить, что в этой волшебной стране все дышит историей, древностью и много чем еще. В частности, там с наименьшим успехом дышится эксклюзивными ароматами нечистот. Стойкий запах неизвестно чьих испражнений на раскаленных, будто сковородки, улицах – самое первейшее, с чем ассоциируется Индия.

Тут уже ничего не попишешь. Всем известно, что антисанитария в этой стране жуткая, причем везде, даже в самых культурных центрах страны. Улицы напоминают сплошную помойку, где нечистоты днем и ночью текут по обочинам тротуаров. Вонь, жара, заливающий глаза пот. Вечно прилипшая к спине рубашка, вечно мокрые от пота брюки, вечно застревающие в карманах руки и вечно падающий на грязную мостовую бумажник, на который, как пчелы на мед, набрасываются грязные дети, чтобы со щербатой улыбкой подать господину.

Все бы ничего, но Марк обожает ходить в белоснежной рубашке, а не в выгоревшей потасканной футболке. И к шортам он относится без восторга. Еще Марк любит изысканные французские костюмы, итальянские галстуки и немецкие туфли. Но в чем, в чем, а в туфлях в Индии не походишь. Через минуту они превращаются в колодки, а на пальцах образуются кровавые мозоли.

Все эти уличные представления на жаре с факирами и заклинателями змей среди раздавленных фруктов и коровьих лепешек также не вызывают восторгов. Хочется в прохладу, в глубокое кресло, в мягкий белый халат, и чтобы в холодильнике стояло холодное шампанское.

Но даже в самых шикарных индийских отелях с навороченными кондиционерами нет-нет да и пахнет откуда-то

уличными экскрементами, запах которых ощущается повсюду, и для индийцев он естественен.

А что за кухня в Индии! Боже мой! Рис и несметное количество приправ. Что-либо мясное в такой жаре Марк есть опасается – сразу несварение желудка и боли в нижней части живота. Внутри тут же заводятся паразиты, от которых спасение только одно – джин, и его нужно пить целыми стаканами, причем с самого утра.

Однако в Индии, как нигде, можно действительно затеряться, если, конечно, забыть о заселении в пятизвездочный отель. Из виповской гостиницы сведения о постояльце в тот же день улетят Москву. Но маленькая деревушка, где не только нет отелей, но и большие сложности с мобильной связью – то, что надо.

Крамер затерялся сразу по выходу из аэропорта. Чтобы окончательно запутать следы, он добирался до деревушки под названием Тёнге на трех попутных автомобилях, игнорируя комфортабельные такси.

Когда Марк прибыл на место, уже вечерело. Деревушка казалась бедной, однако чистой и на редкость зеленой. Одни дома были глиняные, другие бамбуковые, некоторые чуть ли не из картона. Но все под соломенной крышей и почему-то выкрашены в желтый цвет. «Так вот почему деревня называется Тёнге, – озарило гостя. – На тамильском языке буквально значит «золото». Но такое золото (охра, разбавленная хной) навело на Марка тоску. «Не зря же желтый цвет у европейцев считается символом психического нездоровья, – подумал московский гость. – Хотя Сальвадор Дали и Кандинский воспели этот цвет в своей живописи. Впрочем, что с них взять? Оба известные психи. А вот Петров-Водкин... Он воспел красный цвет, а это – признак жизнелюбия. И к рюмочке художник был не дурак приложиться, если судить по фамилии».

По улицам деревушки ходили коровы, как и везде в Индии, и оставляли посреди дороги громадные лепешки. Впрочем, коровьи кизяки были везде, у каждого дома, в основном сложенные аккуратной кучкой. Какая-то молодая женщина собирала коровьи лепешки, прессовала их голы-

ми руками, а затем развешивала сушиться на стене своего глиняного жилища.

Марк приблизился к ней и спросил по-английски, есть ли в деревне гостиница. Женщина английского не знала, но одарила незнакомца весьма теплым взглядом и, судя по всему, поняла, о чем спрашивает иностранец. Она показала рукой, приговаривая на своем журчащем языке, что нужно идти прямо по улице, а затем повернуть направо, к океану.

В эту минуту откуда ни возьмись появились чумазные пацаны и начали со смехом тыкать грязными пальцами в белоснежную рубашку Марка. Пришлось дать им по доллару, чтобы отвязались. Не поверив своему счастью, мальчишки исчезли так же стремительно, как и появились.

Крамер пошел вдоль домов, которые точнее называть лагугами, и настроение его портилось все больше. Не похоже, чтобы здесь была гостиница. Когда улица закончилась и натоптанная дорога повернула направо, взору открылся океан. Сразу дохнуло свежестью, влагой и долгожданной прохладой. Вдалеке виднелась роща, и вдоль нее стояла шеренга жиденьких домиков на сваях. Под домами лежали серфинговые доски и паруса.

Неподалеку по щиколотку в воде бродили европейцы в футболках и шортах, судя по всему туристы. Марк бодрым шагом направился к ним. От внимания непрошеного гостя не ускользнуло, что люди на берегу замерли при виде незнакомца, а некоторые даже вышли из воды.

Крамер приблизился к спортсменам, удивляясь их повышенному вниманию к своей персоне. Впрочем, на особое изумление сил уже не было, поскольку Марк, измотанный беспощадным зноем, практически валится с ног. Однако он отметил, что в этой милой компании серфингистов, состоящей в основном из молодых мужчин, находились две привлекательные женщины. Одна очень стройная, загорелая, с белозубой улыбкой, европейка, другая совсем юная, с изящным станом и осиной талией, похожая на латиноамериканку. Более детально рассмотреть не удалось, поскольку Марк стоял против солнца. Вот у этой юной девушки, от которой трудно отвести глаза, Крамер

и спросил по-английски, есть ли здесь гостиница. В ответ раздался веселый смех всей компании.

– Если хотите снять комнату, то вон тот крайний домик свободный, – с детской улыбкой ответила лагиноамериканка. – Заселяйтесь! Доллар в сутки!

Сплетенный из тростника и бамбука домик больше напоминал шалаш. Он стоял на тонких столбах, имел качающуюся лестницу и тонкую, почти прозрачную плетеную дверь.

Без лишних слов Марк направился в жилище, продолжая спиной чувствовать пристальные взгляды странной компании. «Что они на меня так уставились? – неприязненно чиркнуло в мозгу. – Приличных людей давно не видели, что ли?»

Лестница была очень жидкой и так трепетала, что казалось, еще шаг – и она рухнет.

Однако в домике было чисто и прохладно. Толстая циновка на полу, деревянный столик у окна, два табурета и какое-то подобие шкафа из фанеры в углу. Марк поставил портфель на стол, прилег на циновку и моментально заснул.

3

Как ни странно, Крамер давно так хорошо не спал, как в этом шалашике на циновке в пятидесяти шагах от океана. Обычно ночью он просыпался по десять раз, а потом долго не мог заснуть из-за беспокойных дум, а тут – словно провалился в бездну без всяких мыслей и тревожных снов. Точнее сказать, ему вообще ничего не снилось.

Марк поднялся и вышел наружу. Было раннее утро, мягко шелестели океанские волны, на берегу ни единого человека. Тело хорошо отдохнуло, и на душе было как-то невероятно легко. Со стороны деревни показались три фигуры молодых женщин, которые несли на головах корзины. Они приблизились к туристу, и одна из них с улыбкой спросила на ломаном английском, как господину отдыхалось в этом скромном незатейливом домике.

– Так вы хозяйка? – обрадовался Марк, услышав английскую речь. – Прекрасно отдыхалось. Сейчас я заплачу!

В кармане шорт оказалось около восьмидесяти долларов мятыми купюрами – сдача, которую сдал последний водитель со ста долларов. Марк выгреб мятые купюры из карманов и протянул женщине. Та сделала большие глаза и отшатнулась.

– Это очень много, мистер! Домик стоит один доллар в сутки. В оплату включен завтрак, обед и ужин...

– А я приехал сюда не на сутки, – ответил Марк, насильно вкладывая деньги женщине в руку. – И пожалуйста, со мной не спорить!

Женщины опустили корзины на песок, и Марк увидел в них лепешки, рис и несколько кастрюлек с дымящимся мясом и рыбой. Все это выглядело аппетитно, тем более что Марк последний раз ел только вчера в самолете.

В одной из корзин оказалась минеральная вода в бутылках и в двухлитровых баллонах. В другой, кроме воды, была еще бутылка джина. Хозяйка предостерегла, чтобы он полоскал рот только минеральной водой из баллона, а пил из только что откупоренной стеклянной бутылки. Если вода постоит в открытом виде хотя бы час, ее следует обеззаразить джином или виски.

Пользоваться для умывания ручьем, который протекает в роще, женщина категорично запретила.

– Вообще, если захотите принять горячий душ или ванную – это в деревне, третий дом с верандой. Там же можете взять и машину, если захотите съездить в город в ресторан. Еще я вам советую отдать мне на хранение паспорт, мобильный телефон и ценные вещи.

– Зачем? – спросил Марк, хотя вопрос был излишним – достаточно было посмотреть на хлипкую плетеную дверь без запора.

Марк подумал, что все не так плохо, и тут же откупорив бутылку шипучей воды, опустошил ее одним махом. Потом принялся за лепешку, разделался с тарелкой риса. Это был тот случай, когда аппетит пришел во время еды и не ушел после нее. Следом было умято содержимое глиняного гор-

шочка с курицей и проглочен кусок запеченной рыбы. И все это в охотку, с удовольствием, с гортанным урчанием и даже с облизыванием пальцев.

В это время на берегу появились другие женщины с корзинами на головах, а из домиков начали выходить заспанные туристы. Марк насчитал одиннадцать человек, отметив среди них и вчерашних женщин. Сегодня при утреннем солнце над головой их можно было разглядеть более детально. Латиноамериканке на вид можно было дать все двадцать пять лет. И почему вчера она показалась Марку почти ребенком? Видимо, от усталости, да еще в глазах двоилось от жары. Вторая выглядела лет на тридцать пять – стройная, гибкая, немного смуглая, отчего ее белозубая улыбка словно ослепляла. Кроме того, Крамер отметил, что возраст компании колебался от двадцати до сорока лет. Получается, что он здесь самый старший.

Большая часть серфингистов сразу бросилась в океан, а другая принялась чистить зубы и умываться минеральной водой из баллонов, которые принесли деревенские женщины.

После купания к Марку подошла европейка, которая действительно оказалась итальянкой, и, назвавшись Агнесой, спросила, откуда новенький узнал про учителя Дебдана?

– Учителя? – удивился Марк. – Но я прибыл сюда не учиться, а кататься на волнах.

Женщина заразительно рассмеялась, сочтя ответ незнакомца за остроумие, и осведомила, что, если у вновь прибывшего нет парусной доски, он может взять общую, которая лежит под его домиком. Группа в это время завтракала на песке, и на жующих туристов с умилением смотрели местные женщины, которые доставили еду.

– Вы зовете учителем того, кто обучает серфингу? – удивился Марк. – По-русски это называется тренер.

– Нет! – покачала головой Агнеса. – Я знаю, что такое тренер. Но светлейший Дебдан не тренер! Он учитель!

Пришло время рассмеяться Марку. Он отметил, что эта женщина слишком хороша, чтобы спорить с ней на филологические темы. Поэтому никак не объяснил свой смех.

«Светлейший Дебдан? Обучает серфингу? Умереть – не встать! Похоже, я попал в секту, – подумал наш герой. – Кстати, Дебдан переводится как «Подарок Бога». Любопытно будет взглянуть на этот подарочек. А Агнеса означает «целомудренная». Интересно будет проверить».

После завтрака на песке все поднялись и начали деловито разбирать свои доски. Затем народ организованной толпой направился в сторону рощи. К процессии присоединился и Марк с бордом, который он по совету Агнесы извлек из-под своего бамбукового шалаша.

По пути Крамер услышал довольно любопытный диалог между китайцем, которого звали Вейс, и шведом по имени Бенгт.

– Взгляни, Бенгт! Я нашел его на отмели, – похвалился Вейс, показав собеседнику небольшой камушек. – Потрогай и убедись, какой он приятный на ощупь. Когда камень в ладони, на душе такой покой, что я начинаю видеть вселенную и понимать всю ее мудрость, – голос китайца сделался мечтательным. – Мне этот камень принесла волна.

Швед взял двумя пальцами находку китайца, повертел в руках и без энтузиазма возвратил обратно.

– Я бы на твоём месте закинул камень в океан, – поморщившись, произнес Бенгт. – Учитель говорил, сколько волна приносит, столько же и забирает обратно. Но иногда забирает не то, что приносит. А человеку оставляет ровно столько, сколько ему нужно. Иметь больше человеку незачем. Наверняка ты схватил камень после первого наката волны. А нужно было подождать отката. Вдруг волна забрала бы его обратно.

– Но я чувствую себя разумнее, когда держу в руках этот камень, – мягко возразил китаец.

– Зачем это тебе? – ответил швед. – Твое имя, Вейс, и без того означает «большой мудрец».

На этих словах Марк чуть не расхохотался, подумав, что Бенгт так тонко шутит. Однако, взглянув на него, не заметил даже подобия сарказма. Он был серьезней, чем барсук. Вообще эта пара выглядела слегка карикатурно. Швед здоровый, тучный, серьезный, с утиной степенной походкой,

а китаец маленький, щупленький, улыбчивый, поминутно заглядывающий в глаза своему другу. Они вместе – точно-точно как Винни Пух с Пятачком из советского мультика.

Сразу в голове защелкали молоточки: а что, интересно, означает имя шведа? Так, минуточку, сейчас вспомню... Кажется... Вспомнил! Бенгт означает «благословенный»!

Китаец насупился, помрачнел, затем размахнулся и закинул камень в океан. Это очень удивило Марка. «Точно, какая-то секта!» – решил он.

Когда вошли в рошу, все сели в круг на небольшую полянку, положив перед собой доски. Получилось нечто вроде лепестков ромашки с сидящими серфингистами на концах. Сел в общий круг и Марк.

– Пока нет учителя, давайте привлечем большую волну! – произнес Бенгт, который, судя по всему, был за главного.

Компания принялась ритмично шлепать ладонями по своим доскам, время от времени запрокидывая головы назад и поднося ладони к лицу, словно обнюхивая. Затем все начали складывать руки на груди и на выдохе отчаянно выбрасывать их вверх.

Марк с удивлением наблюдал за ними, вертя головой и не зная, как на это реагировать. Попахивало всеобщим сумасшествием. Но в какой-то миг все прекратилось.

– Учитель идет! – воскликнула Агнеса.

Марк повернул голову и увидел пожилого мужчину в просторной белой одежде, который легко шел вдоль берега к своим ученикам.

4

Когда незнакомец в белом приблизился, Марка словно прострелило. Ему показалось, что он знал этого старика всю жизнь. Боже, какое родное лицо – ясные зеленые глаза, выходящая библейская борода, седая благородная шевелюра... Да это же дедушка Даниил! Точнее, его копия. На сердце как-то очень по-детски потеплело.

«Ах, дедушка-дедушка, – сладко запело внутри, – как тебе живется там, на небесах? Я хорошо помню все твои заповеди. И я им следую...»

На самом деле Марк никогда не видел дедушку живым, поскольку родился через семь лет после его смерти. Он знал дедушку Даниила только по фотографиям и по рассказам мамы. Но когда мама пересказывала его мудрые изречения, маленькому Марку казалось, что это говорит сам дедушка своим добрым, мягким и немного сипловатым голосом.

– Если хочешь быть удачливым и богатым, всем улыбайся! – говорила мама от лица дедушки. – Всем без исключения! Даже последним мерзавцам. Помни, что твое благополучие зависит от людей.

– И даже от мерзавцев? – удивлялся мальчик.

– И от мерзавцев особенно!

Старый мудрый еврей Даниил знал, что говорил. Он владел большим магазином в маленьком литовском городке Рамигале, где жила семья Крамер, и все благополучие семьи зависело от количества покупателей маркета. Именно поэтому дедушка Даниил одаривал обаятельной улыбкой каждого покупателя и всех, буквально всех знал по именам. Понятно, что среди них было немало мерзавцев, но за хлеб, масло и ветчину они платили такие же деньги, что и праведники. И даже наоборот, сукины дети чаще оставляли на чай.

– Помни, – с улыбкой добавляла мама, приглаживая непослушные вихры единственного сына, – самые нищие люди – угрюмые завистливые молчуны, которые ненавидят людей, потому что видят в них причину своих неудач.

Но это там, в далеком и неправдоподобном детстве. А в данный момент вполне уже зрелый и даже перезрелый герой нашего романа смотрел на учителя Дебдана во все глаза и не мог отвести взгляд. В какой-то момент их глаза встретились, и Марку показалось, что старик тоже его узнал, поскольку задержал на нем весьма заинтересованный взгляд. Учитель улыбнулся и спросил по-английски мягким и немного сиплым голосом:

– У нас новенький? Как вас зовут?

Вновь прибывший турист не сразу ответил, поскольку подавлял в себе клокотание. Потому что это был тот самый голос дедушки Даниила, который он улавливал в своем воображении в детстве.

– Меня зовут Марком, – ответил новенький.

– Вот и прекрасно, – резюмировал старик и, оглядев компанью, добавил: – Теперь вас полный комплект.

Что означало «полный комплект», Марк не понял. Но остальные со знанием дела закивали.

– Теперь мы можем открыть сферу, учитель? – спросила Агнеса.

– Теперь можем, – ответил учитель. – Но не спешите.

«Это еще что за чертовщина?» – подумал Марк, но решил пока не лезть с расспросами, а понаблюдать за психами со стороны.

Учитель Дебдан встал в круг, внимательно обвел всех взглядом и произнес:

– В прошлый раз мы пришли к выводу, что люди делятся на две категории – те, которых несет волна, и те, которые ей сопротивляются. Вернее, пытаются сопротивляться.

Старик сделал паузу и снова обвел глазами присутствующих. Затем его взгляд остановился на новеньком.

– По глазам вижу, что согласны не все.

– Я не согласен! – покачал головой Крамер. – Существуют и те, которые управляют волной.

Все повернули головы на несогласного и впились глазами довольно сердито. Лишь учитель снисходительно улыбнулся, как взрослый улыбается неразумному ребенку.

– Даже Бог не в силах управлять волнами, что уж говорить про человека, которого он создал по образу и подобию Своему, – произнес учитель.

– Почему не может? – возразил Марк. – Он же Бог!

– Потому что его существование также подвержено волновой цикличности, как и наше. Он может творить миры, но не может изменить дыхание вечности. Иначе космический день не сменялся бы ночью.

Марк сузил глаза и задумался. «Все ясно, – подумал он. – Это секта брахманистов. Что называется, попал!»

СОДЕРЖАНИЕ

- 3** ПРОЛОГ
- 9** Часть первая
УЧИТЕЛЬ СЕРФИНГА
- 93** Часть вторая
ПО ВОЛНАМ
ЧЬЕЙ-ТО ПАМЯТИ
- 171** Часть третья
ПРИВИВКА ОТ ЗЛА
- 218** Часть четвертая
БУДЬ НА ГРЕБНЕ
- 283** ЭПИЛОГ